
РЕЦЕНЗИИ

Астоянц М. С. Мир сиротства в советской и постсоветской России. Ростов н/Д: ИПО ПИ ЮФУ, 2007. 204 с. ISBN 978-5-8480-0592-9.

Книга посвящена сравнительному анализу социальной политики в области охраны детства в советский и постсоветский периоды, а также той роли, которую играют детские дома на пути социализации их воспитанников. Рассматривая практики социального исключения, автор обращает внимание на тех детей-сирот, кто по различным причинам оказался в интернатном учреждении.

Работа состоит из трех глав. Первая глава посвящена анализу положения детей-сирот в контексте социальной эксклюзии в России и Великобритании. Базовыми служат понятия социальной эксклюзии и социальной депривации. М.С. Астоянц обращает внимание на то, что социальное исключение базируется не только на материальных аспектах, но также на социальных и культурных. Важнейшим фактором риска исключения детей, как подчеркивает автор, является бедность, однако одного материального благосостояния для воспитания детей мало. Дети-сироты, согласно этой концепции, социализируются в пространстве, где разрушены социальные связи, высока экономическая нестабильность и низок культурный капитал. Если рассматривать данную ситуацию с позиции доступа к ресурсам, то адекватным аналитическим инструментом будет выступать понятие «социальная депривация». В работе автор рассматривает его как отсутствие доступа к условиям, необходимым для жизнедеятельности.

В этой же главе приводится база понятий, используемая в федеральных законах (дети-сироты; дети, оставшиеся без попечения родителей; дети, находящиеся в трудной жизненной ситуации; дети, находящиеся в социально опасном положении, безнадзорный, беспризорный). Анализируя законодательную базу в сфере социального сиротства, автор

показывает читателю, что произошло смешение понятий «беспризорный» и «безнадзорный». Поэтому в научных изданиях нередко можно увидеть неверное толкование этих понятий, которое может привести к дезинформации людей, интересующихся проблематикой беспризорности и безнадзорности.

Выявляя специфику данной социально-демографической группы, М.С. Астоянц останавливается на том, каким образом дети попадают в группу риска. Для этого она переходит к сравнительному анализу факторов риска попадания детей в интернатное учреждение. Что касается Великобритании, то наиболее важными факторами данного феномена являются, по данным ювенальной юстиции Великобритании, семейные, школьные, связанные с сообществом и индивидуальные. Если несколько факторов действуют в совокупности, то считается, что семья маргинализируется в большей степени и более высокими темпами. Для России же характерна более расширенная классификация факторов риска: социально-экономические, медико-социальные, социально-демографические, социально-психологические, криминологические. Эти факторы обусловлены социальным и экономическим кризисом, происходящим в стране с 1990 года. Согласно исследованиям, проведенным в социальных приютах, выяснилось, что основными «поставщиками» детей-сирот в России являются монородительские и многодетные семьи, уровень жизни которых классифицируется как низкий. Наиболее распространенная форма неблагополучия в этих семьях — алкоголизм родителей.

Таким образом, проведенный автором анализ двух контекстов позволил сделать следующий вывод: школьные (образовательные) проблемы являются факторами эксклюзии в Великобритании, в то время как в России принадлежность семьи к определенной категории является поводом для попадания на «периферию социального пространства» [С. 7]. При этом в большинстве случаев утрачиваются связи с остальной частью общества. Из этого можно заключить, что «эксклюзия в российском обществе в значительной степени носит аскриптивный, “приписываемый” характер» [С. 24].

Государственная социальная политика призвана обеспечивать ослабление социального неравенства, формирование благоприятной для каждого ребенка жизненной среды. Однако закрытые учреждения, в которые попадают дети после социального исключения, отнюдь не благоприятствуют социализации детей, а наоборот, пространственно изолируют их от внешнего мира. Адаптируясь к новой режимной среде, ребенок ощущает «притеснение, потерянность и недостаток контроля», что является стрессогенными составляющими пребывания в доме-интернате [Hayden et al., 1999. P. 24]. При этом немаловажным явлением в системе детских домов и интернатов является «феномен общественной

собственности» [Слуцкий, 2000], когда у детей формируется установка на все предметы, события и отношения в качестве общих.

Более того, «искусственная социальная изоляция в условиях учреждения порождает инфантилизм, иждивенчество, низкий уровень волевой организации личности» [С. 27], а также стигматизацию в обществе [Ежова, Порецкина, 2004], а именно: дети-сироты очень рано осознают, что с ними что-то не так, что рядом с ними нет родителей; дети-сироты получают обратную связь от взрослых, которая часто переносит их в категорию «другие».

Что касается контактов воспитанников интернатов со своими семьями, то в большинстве российских закрытых учреждений не всегда соблюдается законодательная рекомендация [Семейный кодекс РФ] о совместном проживании братьев и сестер. Связь ребенка с семьей чаще не сохраняется, поэтому происходит разрыв социальных сетей.

Астоянц особое место в работе уделяет типологии детей в учреждениях государственной поддержки семей, поскольку социальная депривация обязательно скажется на дальнейшем устройстве их во взрослой жизни. Согласно типологии автора, дети делятся на адаптирующиеся, самоизолирующиеся и конфликтующие группы. Эти группы отличаются по типу социальной адаптации к существующим нормам и ценностям в интернатных учреждениях. И в дальнейшем, после окончания школы-интерната, они будут использовать практики адаптации в постинтернатных условиях, где социальное исключение продолжает преследовать выпускников. Только теперь оно приобретает новую форму — трудность получения профессионального образования, проблемы с жильем, поиском работы, организацией быта, питания, трудности во взаимодействии с другими людьми, с организацией свободного времени. В связи с этим данная категория граждан, по мнению автора, является группой риска по попаданию в криминогенную среду.

Таким образом, Астоянц приходит к выводу, что происходит некая эволюция социального исключения детей-сирот, включающая в себя три этапа: попадание ребенка в интернатное учреждение, его пребывание в этом учреждении и социальное исключение выпускников интернатов.

Во второй главе книги вниманию читателей предлагается анализ динамики политического дискурса о сиротстве в аспекте социальной эксклюзии / инклюзии в советский и постсоветский периоды. Автор выделяет три этапа формирования данного дискурса: 20-е годы XX века, период Великой Отечественной войны и современность. Астоянц в подробностях представляет нам сущность проблемы сиротства в тот или иной период и пути решения этой проблемы, начиная от социального исключения и заканчивая социальной интеграцией детей-сирот.

Об интеграции детей-сирот в общество задумывались в разные времена, и формы ее были обусловлены политическими изменениями

в стране. По мнению автора, свое отражение данный позитивный феномен нашел в трех дискурсах, проецирующихся в три временных периода. Дискурс социальной полезности (1920–1926) ориентирован был на то, что подрастающее поколение детей-сирот может стать полезными членами общества. Дискурс социального единения (1941–1946) выражался в том, что каждый считал своим долгом помочь детям, оставшимся без родителей, так как общее горе сплотило нацию. И современный дискурс, начиная с 2003 года, — дискурс социального партнерства «видит роль детей-сирот в том, что необходимость разрешения проблемы сиротства должна послужить отправной точкой к интеграции всего российского общества» [С. 83].

Третья глава посвящена конкретизации и описанию социокультурных практик социальной эксклюзии / инклюзии детей-сирот. Автор указывает на исторические, культурные, политические особенности конструирования феномена социального сиротства. Большое внимание уделяется развитию такой структуры, как интернатные учреждения [С. 86]. Безусловно, интернаты, сиротские приюты являются так называемыми режимными учреждениями, что, на наш взгляд, обуславливает маргинализацию представителей данной группы. Если учесть жесткую идеологическую направленность политического развития России советского периода, то само существование данных учреждений вполне отвечает концепции М. Фуко о средствах социального контроля [Фуко, 1999].

Приводя данные своих исследований, автор последовательно отмечает характерные черты быта, условия проживания детей-сирот в интернатах, приютах, детских домах в 20–30-е годы. Сам факт того, что в детских домах проживали не только сироты, но и дети их сотрудников, свидетельствует о невозможности эффективной социализации детей любого социального статуса вследствие объективных социально-экономических условий. Неустроенный быт провоцировал девиантное поведение у воспитанников: драки, конфликты, побег. Детям, проявившим такое поведение, навешивался ярлык «трудновоспитуемых», и они испытывали серьезное давление со стороны общественного мнения. Их помещали в специальные трудовые поселения, являющиеся, по сути, исправительными учреждениями, колониями, и использовали как бесплатную рабочую силу, реализуя функцию «социальной полезности» [С. 107].

Особое внимание автор уделяет влиянию общественного мнения на формирование коммунистического воззрения детей [С. 102], ключевую роль при этом играла фигура воспитателя. Для достижения цели использовались любые средства воздействия на детей, воспитателю прощались непрофессионализм, жестокое обращение, насилие. Правила внутреннего распорядка носили характер санкций, основополагающей являлась функция контроля над детьми, а не социализации. Поскольку основной целью советского государства являлось воспитание здорового поко-

ления советских людей, большое внимание уделялось физическому состоянию детей. В дальнейшем медикалистский подход постепенно дополнился критериями психического и психологического здоровья [С. 105], которые являются ведущими на данный момент.

В 60-е годы была предпринята попытка регулирования социальных связей всех детей независимо от их статуса, в связи с чем, по приказу Н. Хрущева, изданному в 1956 году после XX съезда КПСС, создаются дома-интернаты. Доступные в первое время для посещения родителями и другими родственниками, они становились затем все более закрытыми, диктуя своим воспитанникам определенные нормы и ценности, зачастую отличные от семейных.

Изолированность таких учреждений сохраняется и до настоящего времени, хотя автор и подчеркивает, что доступ к ним получили различные благотворительные и некоммерческие организации [С. 113]. Параллельно с этим отмечаются недостатки при работе с семьей ребенка, оставшегося без попечения родителей, а именно — отсутствие комплексности, систематичности, ситуативный характер связи с родителями сотрудников органов опеки и попечительства. Как полагает И. Назарова, любое закрытое учреждение — это легитимизированное государством ограничение прав ребенка [Назарова, 2000].

Что касается воспитательной функции в интернатных учреждениях, то автор выделяет следующие основные ее направления: трудовое, идеологическое и учебное. Несмотря на то, что воспитанники детских домов были лишены многих навыков взаимодействия с социальным окружением, их политическая грамотность находилась на высоте. Результат во многом достигался за счет разработки специальной системы преподавания основ марксизма-ленинизма. Согласно данным многочисленных интервью, одним из способов социализации детей было их участие в различных кружках, однако автор делает вывод о том, что на протяжении длительного периода времени воспитательные учреждения для детей-сирот никогда не ставили целью эффективную социализацию ребенка, ограничиваясь лишь небольшим набором задач.

Автор посвящает отдельную главу устройству выпускников интернатных учреждений. В 20-е годы устройство детей происходило в экстренном темпе, вызванном постоянным ростом численности беспризорников. Расформирование детских домов повлекло за собой тяжкие последствия: девочки [Лебина, Шкаровский, 1994] вынуждены были зарабатывать на жизнь проституцией, а мальчики, в связи с отсутствием рабочих мест, часто вливались в криминальные группировки. Данные практики выживания только усиливали маргинализацию, а следовательно, эксклюзию детей-сирот. При этом нужно отметить, что альтернативные формы устройства детей-сирот (например, патронирование) также были неэффективны. Часто ребенка передавали «в семью трудящихся», однако этим способом

государство стремилось сократить экономическую нагрузку по содержанию интернатных учреждений и увеличить количество работоспособного населения, а не реализовывать интересы детей. Лори Бернштейн [Bernstein, 2001] выделяет характерные негативные черты этой формы устройства (принудительное помещение детей в семьи, недостаточный контроль за проживанием детей), отмечая ее временный характер, что естественным образом затрудняло их эффективную адаптацию. Об этом пишут также Е. Ярская-Смирнова и П. Романов [Ярская-Смирнова, Романов, 2005], отмечая, что существующая организационная система закрытых учреждений, несмотря на серьезную трудовую подготовку, не способствовала социальной интеграции детей, ограничивая их социальные сети. Автор замечает, что, хотя в настоящее время нет такой острой ситуации, адаптационные возможности выпускников интернатных учреждений по-прежнему остаются на низком уровне [С. 127].

Автор описывает практики исключения детей-сирот, которые существуют в современных интернатных учреждениях. Данные практики исследовались методом кейс-стади социально-реабилитационного центра для несовершеннолетних. Понимание индивидуального опыта его воспитанников помогает вскрыть и подтвердить существование определенных механизмов, способствующих социальной эксклюзии детей-сирот. Социальная динамика внутри такого учреждения характеризуется двумя встречными процессами: с одной стороны, дети склонны делить лиц на «своих» и «чужих», с другой стороны, происходит обезличивание, потеря индивидуальности ребенка в восприятии воспитателя, обусловленная самой структурой приюта (у всех детей одинаковые вещи, все едят одну еду в одно и то же время) [С. 137]. Абсолютно исключаются индивидуальные пожелания ребенка относительно организации быта, проведения досуга, а за нарушение режима, как и много лет назад, предусматриваются санкции. Невозможность уединения часто провоцирует ребенка на социально неодобряемое поведение, цель которого — попасть в изолятор, обрести личное пространство хотя бы на время. Однако положительные тенденции в этом учреждении говорят о его преимуществе перед другими формами содержания детей-сирот, например перед школой-интернатом и детским домом [С. 157].

В заключение автор приводит обзор литературы, посвященной проблемам социализации детей-сирот и механизмам преодоления практик исключения, делая вывод о необходимости дельнейших исследований различных форм устройства таких детей. В контексте данной работы необходим обзор современной законодательной базы с анализом целей, задач и функций основных учреждений: интернатов, детских домов, специализированных учреждений.

Рецензируемая книга будет интересна самому широкому кругу читателей, внося значительный вклад в изучение феномена сиротства в кон-

тексте различных социокультурных практик. Интерпретативная парадигма, использованная при проведении и описании исследования, обширный эмпирический материал позволят воспринять проблему с точки зрения ее носителей, стимулируя разработку технологий по ее преодолению.

Список литературы

Ежова Л. В., Порецкина Е. М. Деинституционализация воспитания детей-сирот: российский дискурс и практика // Журнал исследований социальной политики. 2004. Т. 2. № 2. С. 203–226.

Лебина Н. Б., Шкаровский М. В. Проституция в Петербурге. М.: Прогресс-академия, 1994.

Назарова И. Б. Адаптация и возможные модели мобильности сирот: социально-правовой аспект. М.: Московский общественный научный фонд, 2000.

Слуцкий В. И. Феномен общественной собственности и его влияние на формирование личности воспитанников детских домов // Вопросы психологии. 2000. № 5. С. 132–136.

Семейный кодекс Российской Федерации [электронный ресурс]. Доступен по адресу: <http://www.garant.ru/law/10005807-006>.

Фуко М. Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999.

Ярская-Смирнова Е. Р., Романов П. В. Идеологии и практики социального воспитания в Советской России: повседневная жизнь в детском доме «Красный городок» в Саратове, 1920–1940-е годы // Нужда и порядок: история социальной работы в России, XX в.: Сб. науч. статей / Под ред. П. В. Романова, Е. Р. Ярской-Смирновой. Саратов: Научная книга: Центр социальной политики и гендерных исследований, 2005. С. 412–458.

Bernstein L. Fostering the next generation of socialists: patronirovanie in the fledgling Soviet state // Journal of family history. 2001. Vol. 26. P. 66–89.

Hayden C., Goddard J., Gorin S. and Der Spek K. van State child care: looking after children. London: Jessica Kingsley, 1999.

Наталья Владимировна Елина

студентка кафедры социальной антропологии и социальной работы,
Саратовский государственный технический университет,
сотрудница Центра социальной политики и гендерных исследований
электронная почта: elina-natalja@rambler.ru

Татьяна Владимировна Знаменщикова

студентка кафедры социальной антропологии и социальной работы,
Саратовский государственный технический университет,
сотрудница Центра социальной политики и гендерных исследований
электронная почта: znamenschikova@rambler.ru
